

ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ
ЯВЛЕНИЙ

ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЕМУ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В. А. Соснин

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Вячеслав Александрович Соснин
Психология терроризма
и противодействие ему
в современном мире
Серия «Психология
социальных явлений»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014046

*В. А. Соснин. Психология терроризма и противодействие ему в современном мире: Институт психологии РАН; Москва; 2016
ISBN 978-5-9270-0318-1*

Аннотация

Работа посвящена острым проблемам современного общества — психологии терроризма, его религиозно-психологической мотивации в современном мире и подходам к противодействию ему. В книге рассмотрено состояние исследований терроризма в современной психологической науке (основные подходы и методы изучения), психологическая мотивация терроризма (социальные и социально-психологические факторы), психологические последствия актов террора.

Содержание

Особенности социально-психологического исследования терроризма (вместо предисловия)	5
Введение: постановка проблемы	13
Раздел I. Терроризм как социокультурный и социально-психологический феномен	24
Глава 1. Проблема терроризма в современной психологической науке: основные понятия и подходы к исследованию	24
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вячеслав Соснин
Психология терроризма
и противодействие ему
в современном мире

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2016

* * *

Особенности социально-психологического исследования терроризма (вместо предисловия)

Актуальность социально-психологических и социокультурных исследований терроризма в новых условиях (возникновение ИГИЛ, взявшего «эстафету» от «Аль-Каиды» и претендующего на образование халифата во всем мире) и в нашей стране, и за рубежом не вызывает сомнения. Противодействие терроризму в сложившихся обстоятельствах остается глобальной и сложной проблемой современной цивилизации в целом. Исследованиям социально-психологических проблем терроризма посвящена настоящая монография известного специалиста В. А. Соснина.

В изучении терроризма как социокультурного и социально-психологического феномена есть выраженная специфика, в частности явные трудности его непосредственного изучения, сложности с методами его эмпирического анализа и т. д. Эти и другие *особенности* такого рода исследований важно профессионально отразить, опираясь прежде всего на опыт социальной психологии (Методики..., 1995; Соснин и др., 2008; Социальная психология, 2002; и др.).

Во-первых, анализ затрудняется недоступностью прямого

изучения личностных особенностей террористов и, в первую очередь, их мотивации. Кроме того, даже арестованные террористы, если они соглашаются встретиться с психологом, проявляют самую разную мотивацию. Зачастую их ответы – это типичные защитные реакции, поэтому в таких исследованиях возникают особые проблемы и повышенные требования к интерпретации получаемых первичных данных. Содержание же открытых публикаций (или интервью) арестованных террористов также требует коррекции и специальной психологической интерпретации.

Во-вторых, можно встретить необоснованное обобщение получаемых результатов исследований. Проблема состоит в том, что теракты совершаются различными категориями людей с разным спектром убеждений и целей, а иногда и при их кажущемся отсутствии, поэтому неоправданно переносить те или иные виды мотивации, выявленные в исследованиях какой-то одной категории террористов, на объяснение причин поведения всего их многообразия.

В-третьих, при изучении мотивации террористов (а это главный психологический вопрос) исследователи зачастую недостаточно внимания уделяют вопросу значимости материальной выгоды как мотивирующего фактора участия в акциях террористических групп. Возможна и другая крайность, когда основные причины сводятся к достижению материального вознаграждения, что в явной форме упрощает природу самого феномена терроризма, который, безусловно,

является чрезвычайно сложным.

В-четвертых, трудность исследования терроризма состоит также в игнорировании существующих деструктивных действий властных структур отдельных государств. Многие современные исследователи терроризма являются представителями западных профессиональных сообществ, и они склонны, естественно, защищать те госструктуры, к которым сами принадлежат и которые иногда становятся объектами нападения террористических групп и организаций. Они не хотят, в силу своих идеологических убеждений, отмечать даже очевидные факты подавления доминирующими государствами других сообществ.

Социально-психологические исследования терроризма выполняются также в отечественной социальной психологии и, в частности, в Институте психологии РАН в качестве актуального научного направления (Журавлев, 2011; Нравственность..., 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012; Психологические исследования..., 2011; и др.).

Так, в работе В. А. Соснина и Т. А. Нестика представлено социально-психологическое исследование терроризма с позиции социокультурного подхода (Соснин, Нестик, 2008), который оказался перспективным для изучения целого ряда проблем, причем на личностном, групповом, межгрупповом и социетальном уровнях.

Н. В. Тарабриной и Ю. В. Быховец дано подробное теоретическое обоснование и изложены результаты эмпириче-

ского изучения переживания человеком террористической угрозы. Для измерения выраженности изучаемого феномена был разработан и апробирован оригинальный опросник (Табрина, Быховец, 2014).

Особо следует отметить проблему разнородности понимания терроризма как социокультурного и социально-психологического феномена и возможности его более или менее строгого группирования. Данная проблематика, как и предыдущая, интенсивно изучается и в отечественных, и в зарубежных работах. Эти вопросы связаны с попытками универсального определения терроризма. Однако это осложняется многообразием проявлений терроризма, наличием его различных видов, среди которых выделяются следующие:

- политический терроризм;
- религиозный терроризм;
- сепаратистский терроризм;
- патологический терроризм и др.

В целом психологи-исследователи соглашаются в том, что при учете многообразия видов (и соответственно, исследовательских моделей) терроризма главное – это выявить в действиях террористов доминирующую мотивацию и приложить усилия к использованию имеющихся знаний в отношении анализируемых видов терроризма.

Пристальное внимание в настоящее время направлено на изучение *суицидального терроризма* и его мотивации. Этой проблеме посвящены специальные исследования, как отечественные, так и зарубежные. В Институте психологии РАН эта проблематика также разрабатывается (Соснин, 2012а, 2012б).

Следует еще раз подчеркнуть, что во всем многообразии социально-психологических проблем современного терроризма центральное место, конечно, занимает *проблема мотивации*. Очень важно при этом понять главное – идейные, религиозные, социальные и другие мотивы вступления людей, особенно молодых, в террористические структуры. Именно на эти важнейшие вопросы, прежде всего, и отвечает представляемая монография.

Необходимо также отметить, что в социально-психологических исследованиях терроризма, как отечественных, так и зарубежных, существует много сходного. Проблема терроризма принципиально важна для каждого государства и цивилизации в целом. Западные исследователи сталкиваются с теми же проблемами изучения терроризма и разработки способов противодействия ему, как и отечественные специалисты. Эти общие вопросы состоят в следующем:

– проблема определения терроризма и классификации его видов и типов (от этого может зависеть характер эмпирического исследования того или иного вида или типа террориз-

ма);

- проблема теоретических подходов, конкретных методов и приемов эмпирического изучения мотивации терроризма;
- проблема соотношения военных, идеологических, социально-психологических и других методов борьбы с терроризмом и его предупреждения, начиная с самых ранних стадий его зарождения, и др.

Совсем нет серьезных причин говорить о том, что отечественные социально-психологические исследования терроризма «отстают» от его исследований в западной социальной психологии (Understanding Terrorism..., 2004; Psychology of Terrorism..., 2007). И теоретические позиции отечественных психологов, и их эмпирические исследования свидетельствуют об отсутствии таких оснований.

Данная монография – тоже определенный итог исследований терроризма в отечественной социальной психологии в целом и в Институте психологии РАН в частности, итог интересных размышлений по проведению дальнейших исследований этой острой социальной проблемы. Естественно, в работе есть примеры обращения к ранее представленным результатам исследований, но главное – приведено обоснование концепции противодействия терроризму в современных условиях и тем самым обеспечения безопасности страны в глобальном противостоянии разных цивилизаций (Россия в глобализирующемся мире..., 2007).

А. Л. Журавлев

Литература

Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Методики социально-психологического исследования личности и малых групп. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.

Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Проблемы психологической безопасности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологические исследования духовно-нравственных проблем. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Россия в глобализирующемся мире: мировоззрение и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.

Соснин В. А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2012а.

Соснин В. А. Идеология Глобального Джихада как духовно-нравственная мотивация оправдания суицидального терроризма исламскими радикалами // *НВ: Национальная без-*

опасность. 2012б. № 1 (18). С. 92–101.

Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Форум, 2008.

Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.

Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В. Террористическая угроза. Теоретико-эмпирическое исследование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Understanding Terrorism: Psychological Roots, Consequences, and Interventions / F. M. Moghaddam, A. J. Marsella (Eds). Washington, DC: American Psychological Association, 2004.

Psychology of Terrorism / Ed. by B. Bongar, L. Beutler, J. Breckenridge, P. Zimbardo. Oxford – N. Y.: Oxford University Press, 2007.

Введение: постановка проблемы

Психологическая наука, предметом которой является изучение поведения и характеристик индивидуальных и групповых субъектов, по своей социальной сущности ориентирована на формирование нравственно зрелой личности и организацию стабильного и продуктивного функционирования социума. В этом состоит ее основная *гуманистическая* направленность и вклад в решение проблем сохранения мира. Можно выделить два аспекта реализации психологией миротворческой функции. Первый аспект связан с *опосредованным вкладом* в борьбу за мир путем формирования гуманистических ориентаций, позитивного восприятия мира и установления отношений между людьми на основе принципов понимания и принятия через осознание личностью своей ценности. Второй аспект – непосредственное решение психологией научных и практических задач, направленных на предотвращение угроз стабильному и мирному существованию человеческой цивилизации (Кольцова и др., 2006).

В этой связи в начале третьего тысячелетия перед мировым сообществом встала грозная проблема международного терроризма. Трагические события 11 сентября 2001 г., а также многочисленные атаки террористов в последние годы продемонстрировали, что нельзя игнорировать возрастающие риски и последствия терроризма.

Статистика криминальных ситуаций в России свидетельствует об угрожающем росте преступлений террористического характера. По статистическим отчетам (1997–2004), их динамика выглядит следующим образом (Гришко и др., 2006):

– терроризм (ст. 205 УК РФ): 1997 г. – 32 преступления; 1998 г. – 21; 1999 г. – 20; 2000 г. – 135; 2001 г. – 327; 2002 г. – 360; 2003 г. – 526; 2004 г. – 265;

– организация незаконного вооруженного формирования, участие в нем (ст. 208 УК РФ) в указанные годы составляют (соответственно) – 9, 2, 9, 340, 165, 135, 267, 212 выявленных фактов.

В 1993 г. выявлено 15 лиц, совершивших преступления террористического характера, а в 2004 г. их число составило 1019 человек (статистика терактов в РФ с 1999 по 2013 г. отражена в приложении 1 – Страшная статистика терактов в РФ, электронный ресурс).

Основания терроризма имеют комплексный характер, и ему как системному феномену присущи исторические, политические, экономические, социальные и психологические факторы и детерминанты. Из числа этих факторов и детерминантов психологические изучены менее всего, и они менее всего понятны, хотя, несомненно, принадлежат к числу важнейших.

Всестороннего, исчерпывающего понимания этого феномена можно достичь с помощью мультидисциплинарного и мультикультурного подходов. По сути, террористический акт направлен на изменение психологического состояния людей, его цель – создание психологической атмосферы террора у широких масс населения. Терроризм по своему содержанию и последствиям – это одновременно преступное, политическое, социальное, психологическое и морально-нравственное явление. Жертвами террористов являются, как правило, невинные люди, которые, не подозревая того, предстают в виде «расходного материала» в воспаленном сознании и расчетах террористов, воспитанных на идеях ненависти, нетерпимости и насилия, несправедливости, унижения и жестокого обращения. И даже когда террористический акт осуществляется одним лицом, его мотивацию можно понять, только используя психологический подход, который содержит базовую идею: человеческая психика опирается на широкий социальный контекст.

Термин «психологический» относится к интерактивному взаимоотношению психики человека и разных социальных объектов. В этой связи необходимо подчеркнуть важность понимания культурных различий в мировоззрении и ориентациях людей, что не влечет за собой ни апологии, ни осуждения какой-либо нации или этнической группы в свете нарастания террористической активности в мире.

Это означает, что понимание причин и сдерживание тер-

роризма не может быть достигнуто посредством «демонизации» или очернения конкретных индивидов и групп. «До тех пор, пока мы не поймем перспективы на будущее различных культур в мире, мы как человеческие существа и как сообщества будем ограничены в своих способностях жить успешно. Мир, наши общие цели смогут одержать победу только через углубленное психологическое понимание тех сложностей, в которых человеческие существа, побуждаемые и характеризующиеся различными мотивациями, установками и восприятиями, придут к одобрению и предпочтению одних форм поведения над другими» (Moghaddam, Marsella, 2004, p. 3).

Все культуры имеют свои представления о связях между поведением и мировоззрением, картиной мира, в котором они живут (даже если они имплицитны). Эта картина мира (сконструированный мир) одновременно и формируется, и поддерживается в процессе социализации, объединяет людей во взаимосвязанных институциональных образованиях (сообществах, организациях, учреждениях), включающих семью, школу, а также различные политико-экономические и религиозные структуры. В конечном счете, именно через изменения в этой институциональной матрице сама человеческая психика может изменяться и структурироваться в направлении более широких и менее этноцентричных взглядов на реальность окружающего мира.

То, что сегодня поставлено на карту в связи с процессом глобализации, для многих наций, государств и соци-

ально-культурных групп – это культурная идентичность, смысл существования, сохранение статуса в мировом социуме, благополучие и выживание. Проблема выживания стала «ключевым аргументом», оправдывающим непосредственные действия даже тогда, когда создаются новые прецеденты в международных отношениях, дипломатии и способах ведения войны.

Правительства ряда стран (США, Великобритании, Израиля, стран Западной Европы) считают, что терроризм можно победить, проявляя бдительность, с помощью жестких силовых контртеррористических мер и уничтожения террористических ресурсов. Однако эти меры сами по себе не смогут оказаться достаточными, чтобы остановить «поток терроризма», который проистекает из человеческой неудовлетворенности и возмущения существующим неравенством и безразличием, из широко распространенных убеждений в том, что насилие – это приемлемое средство подавления и нанесения ущерба (применение принципа «Цель оправдывает средства»). Геополитические и социальные изменения, вызываемые в мире глобализацией по западному образцу, ведут к возникновению серьезных угроз и проблем для многих стран и народов «незападной цивилизации». Эти проблемы игнорируются западными странами в их стремлении получить «сиюминутные», временные выгоды для себя. Возникающие гнев и раздражение направляются против «вестернизации» с акцентом на потребление и расточительство, экс-

плуатацию и достижение прибыли любой ценой.

Западная ценностно-цивилизационная парадигма существования основана на индивидуализме, прагматизме, потребительстве, конкуренции и поэтому находится в конфликте с традиционными культурными ценностями коллективистических культур, для которых главными являются духовность, стабильность, иерархия фиксированных ролей и сотрудничество.

Терроризм можно сдерживать, но его невозможно победить до тех пор, пока существуют реальные факторы, которые питают ненависть, жажду мести и способствуют их широкому распространению. В борьбе с терроризмом возможны военные успехи, но неизбежно наступает момент, когда необходимо понять сильные и слабые стороны человеческой психики и культурной среды, в которой они формируются и поддерживаются.

До последних десятилетий проблема терроризма исследовалась преимущественно историками, социологами и политологами, а социальные психологи этой проблеме уделяли меньшее внимание. Однако с 1990-х годов в мировой исследовательской практике наблюдается резкая активизация именно социально-психологических исследований по данной проблеме. В целом в психологической науке указанная проблема изучается в рамках таких направлений, как психология конфликта, политическая психология и психология межгрупповых отношений.

В период с 1980-х годов до настоящего времени международный терроризм (или глобальный джихад) подготовил и осуществил много кровавых террористических атак, используя тактику суицидального терроризма. Их кульминационным пунктом стала террористическая атака на США 11 сентября 2001 г. Были осуществлены также тысячи атак по всему миру (Falk, Morgenshtern, 2009).

После падения Берлинской стены приобрели особую актуальность два противоречивых взгляда на развитие цивилизации. Это идеи, изложенные в работах Ф. Фукуямы «Конец истории...» (Fukujama, 1992) и С. Харрингтона «Столкновение цивилизаций...» (Harington, 1996). С окончанием холодной войны, возникновением в мире конфликтов малой интенсивности и появлением асимметричной формы ведения войны (терроризма, особенно суицидального терроризма), с возможностью использования оружия массового поражения возникла непосредственная угроза глобальному миру и безопасности мировой цивилизации. По мнению ряда аналитиков, основное заблуждение в отношении проблемы терроризма состоит в том, что он рассматривается как тактика, которая монополизирована террористическими активистами радикальной и воинствующей формы ислама. Однако эта форма борьбы широко и эффективно использовалась террористическими группами, не принадлежащими к исламу, во многих регионах современного мира. Один из показательных примеров – террористическая активность в Шри-

Ланке.

В 1970–1980-е годы в Западной Европе получила достаточно широкий резонанс проблема террористической активности, включая и суицидальные теракты, светских террористических организаций право- и леворадикального экстремистского толка.

Террористическая деятельность и психологические характеристики членов этих террористических групп представлены во многих научных работах (см., например: *Analyzenzum Terrorismus*, 1981, 1982, 1983, 1984; Reich, 1998; и др.). К 1990-м годам наблюдается резкий спад террористической активности светских террористических групп данного идеологического спектра. Однако утверждать, что эта форма террористической активности сошла на нет и не сможет возродиться, по меньшей мере, не вполне корректно. Причины и основания возрождения терроризма со стороны радикальных экстремистских организаций правого и левого идеологического светского спектра остаются и даже обостряются.

Это связано с крахом политики мультикультурализма, проводимой на протяжении нескольких десятков лет лидерами стран Западной Европы, и с фактически неконтролируемой миграцией мусульман из многих стран исламского мира в ареалы проживания стран христианской социокультурной основы. Эти процессы создают всевозрастающую социальную напряженность между коренным населением стран,

принимающим мигрантов, и мусульманскими меньшинствами, которые не стремятся (не хотят, не желают) адаптироваться к культурным нормам стран пребывания и придерживаться традиций и правил поведения коренного населения на уровне повседневных взаимодействий.

Зураб Тодуа отмечает: «Необходимо признать, что демократия как политическая система и образ жизни оказалась крайне уязвимой перед экспансией террористов. Беда в том, что террористы не только свободно живут и передвигаются по территории стран, против которых они ведут войну. Они прекрасно научились использовать в своих целях всю инфраструктуру современной цивилизации со всеми ее благами и достижениями, в том числе банки, всевозможные бизнес-структуры и интернет. Пользуясь демократией, в столицах ведущих государств мира открыто действуют организации, связанные с террористами, – фонды, общества, культурные и прочие центры, политические партии и т. д. По сути... террористы довольно успешно используют энергию и потенциал своих противников в своих интересах» (Тодуа, 2006, с. 7–8).

По оценкам аналитиков, во второй половине XX в. в мире действовало порядка 200 террористических организаций различного толка, не считая исламских организаций – от левых (наподобие Немецкой фракции Красной армии – РАФ, итальянских «Красных бригад» и др.) до крайне правых, преимущественно неонацистских группировок и группи-

ровок маоистов, троцкистов, правых ленинистов, анархистов и сторонников Че Гевары. Эти организации были либо разгромлены властями, либо ушли в глубокое подполье. Хотя сепаратистские организации типа баскских сепаратистов (ЭТА) в Испании, Ирландской республиканской армии (ИРА) в Великобритании и ряд других подобных групп в различных регионах мира остаются весьма активными и в настоящее время. Активность их террористической деятельности остается высокой (там же, с. 9).

Достаточно показательным примером являются кровавые теракты, совершенные 22 июля 2011 г. в Норвегии А. Бrevиком и унесшие жизни десятков невинных жертв. Его идеологическая платформа совершения терактов вполне конкретна – праворадикальная экстремистская идеология с использованием терроризма как основного средства ее реализации (исламофобия и социофобия). И судя по интенсивной интернет-активности, связанной с этим трагическим событием, эта идеология имеет много потенциальных сторонников в странах западного мира.

Однако масштаб деятельности светских террористических организаций не идет ни в какое сравнение с тем размахом террора, который развязали исламские фундаменталисты и экстремисты. В действительности, с позиций исламских фундаменталистов и воинствующих исламистских групп, ислам никогда не отказывался от идеи доминирования в мире.

Эти амбиции подавлялись вплоть до XX в. и до возникновения глобального джихада как экстремистского мусульманского течения внутри ислама, возникновения организации «Мусульманского братства» в 1928 г. (Vidino, 2005). Усилия экстремистов привели к образованию организации «Аль-Каида» в 1988 г.

Это глобальное мятежное исламское движение, которое стремится заменить существующий миропорядок национальных государств в мире глобальным халифатом с доминированием мусульманских законов.

Социально-психологический анализ проблем терроризма в мировой исследовательской практике, прежде всего мотивации и причин его возникновения в современном мире, дает возможность размышлять о путях и способах противодействия этой «болезни третьего тысячелетия».

Раздел I. Терроризм как социокультурный и социально- психологический феномен

Глава 1. Проблема терроризма в современной психологической науке: основные понятия и подходы к исследованию

В данной работе анализ проблематики терроризма ведется с позиции социально-психологического, шире – социокультурного подхода (Соснин, Нестик, 2008).

К вопросу об определении терроризма

События 11 сентября 2001 г. резко активизировали научную дискуссию о содержании терминов «терроризм» и «международный терроризм». Несмотря на многообразие точек зрения на содержательную природу этого явления и классификацию его разновидностей, в научном сообществе, как представляется, есть общее понимание *сущности* терро-

ризма. Главное – это противоправные насильственные действия для устрашения, подавления конкурентов, навязывания определенной линии поведения. Причем конечными целями могут быть социально-экономические, территориальные, идейно-политические, религиозно-этнические и даже более глобальные цели, которые условно можно обозначить как цивилизационные (Соснин, 2005).

Морально-нравственная оценка этого явления противоречива, и это вполне понятно: все зависит от идейной, мировоззренческой позиции исследователя или принадлежности оценивающего к субъекту или объекту террористических действий. Так, взрыв машины с солдатами для одной стороны – это акт террора, для другой – акт «возмездия» агрессорам и оккупантам. Фактически террор как явление, по сути, не оценивается, это просто инструмент социально-политической борьбы. Оцениваются мотивы совершения террористического акта и его приемлемость, полезность для себя, «одобряемость своими» нормами и правилами. Именно это и является реальным объектом идейно-нравственной оценки (Ольшанский, 2002). Многие западные специалисты считают, что не действие само по себе, а именно интерпретация этого действия как акта терроризма позволяет назвать его исполнителя террористом (см., например: Harre, 2004).

Необходимо зафиксировать именно этот идейно-ценностный и объективно неустранимый аспект в анализе проблемы терроризма, который существенно влияет на про-

блему его определения. Это означает:

- объективность анализа будет заведомо односторонней, если он будет опираться только на одну идейно-мировоззренческую парадигму (как правило, западную);
- проблема причин, психологических и идейных корней мотивации терроризма (и, следовательно, его определения) имеет системный характер.

В этой связи можно согласиться с мнением Э. Паина, который считает, что анализ природы терроризма должен идти в рамках концепции единого мира, в котором разные сегменты человечества «совместными усилиями» породили это зло и, следовательно, несут свою долю ответственности за него (Пайн, 2002). До настоящего времени в академических кругах превалирует тенденция анализа проблемы преимущественно с позиции идейных ценностей западной цивилизации. Такая позиция, какими бы «общечеловеческими ценностями цивилизованного мира» ни оправдывалась, в конечном счете оказывается, по меньшей мере, контрпродуктивной.

Проблема дефиниции и классификации видов терроризма в мировой исследовательской практике остается не до конца решенной, и ее решения в обозримом будущем (по крайней мере, на концептуально-теоретическом уровне) трудно ожидать. В академическом сообществе среди психо-

логов, социологов и политологов, а также среди представителей юриспруденции и политиков ведутся дискуссии по этому поводу.

Проведем сравнительный анализ содержания таких понятий, как *радикализм*, *экстремизм*, *фанатизм*, *шовинизм*, *фундаментализм*, в соотношении с категорией *терроризма*. Отметим, что давать определения экстремизма, «религиозного фундаментализма», «экстремизма на религиозных или национальных основаниях» и т. д. можно в разных системах ценностей. Политологический подход, из которого вырастают правовые формулировки, диктует один тип описания фундаментализма и экстремизма. В религиозной системе ценностей фундаментализм получает совершенно иное наполнение и описание, а существование религиозного экстремизма вообще может быть поставлено под сомнение. Например, то, что в религиозном мироощущении воспринимается как миссия, в политологическом или правовом контексте может восприниматься как экстремизм, как некая экстремная составляющая социальной активности религиозного сообщества.

Таким образом, конфликт интерпретаций порождается разностью ценностных подходов. При этом каждое сообщество (религиозное, этническое, правозащитное, корпоративное и пр.) транслирует в общество свое видение и понимание, формирует общественное мнение. Взаимоисключающие формулировки в законах и государственных актах воз-

никают как результат деятельности разных сообществ, поэтому правовые коллизии возникают именно из-за смешения подходов и систем координат. В этом случае проигравшей стороной оказывается государство и рядовые граждане, потому что законы есть, но они не работают.

В целом экстремизм является феноменом, традиционно рассматриваемым в рамках психологии общения или более конкретно – в психологии конфликтного взаимодействия. Особую актуальность феномен экстремизма приобрел в настоящее время, которое характеризуется *глубинными, парадигмальными* преобразованиями и быстрой динамикой социально-исторических процессов (Соснин, 2007).

На индивидуально-психологическом уровне этот феномен обычно связывается с типологическими особенностями поведения авторитарной личности как мировоззренческой установкой и способом агрессивного взаимодействия с окружающим социальным миром. Эта установка опирается на принцип тотального использования авторитарным человеком социального окружения для реализации своих эгоистических интересов и выступает в виде механизма психологической защиты от комплекса неполноценности (Adorno, 1950; и др.).

Кроме этого, экстремистская форма взаимодействия в конфликтологической литературе обычно рассматривается как сознательная тактика манипуляции для реализации субъектом опять же своих эгоистических интересов с отно-

шением к объекту взаимодействия как средству. В целом подобная тактика считается деструктивной. С другой стороны, в конфликтологии разработаны способы эффективного противодействия им (Burton, 1990; Соснин, Лунев, 1996; Левицкий и др., 2006; и др.). На групповом уровне экстремистские формы взаимодействия, хотя и реализуемые конкретными носителями групповых интересов, отражают идеологию этих групп и служат реализации групповых целей.

Признавая трудности концептуального определения термина, можно согласиться с таким его определением. *Экстремизм* – это термин, используемый для описания действий или идеологических представлений индивидов или групп, выходящих за пределы принятых в обществе правовых и этических норм, как идеология, ориентированная на нарушение общественных *стандартов этики и взаимодействия*. Этот термин традиционно используется для обозначения политических или социальных идеологий, считающихся иррациональными, контрпродуктивными, несправедливыми или, по меньшей мере, неприемлемыми в гражданском обществе, и имеет скрытое значение *незаконности* конкретных идей или методов (Соснин, 2007). Это означает:

- 1) принятие и отстаивание политической позиции (идеи) без учета «отрицательного» воздействия на оппонентов с целью не просто противостоять им, но уничтожить их;
- 2) нетерпимость к ценностным ориентациям других субъ-

ектов, имеющих противоположную позицию;

3) использование таких средств для достижения политических целей, которые игнорируют жизненные установки и права других людей.

В целом в экстремистском стиле поведения присутствуют три общих момента: стремление исказить реальность в угоду своим идеологическим представлениям; уходить в сторону от критического рассмотрения своих убеждений, используя фальшивую логику рассуждений; стремление взаимодействовать, исходя из личного недоброжелательства к оппонентам и рационализации своих специфических интересов под предлогом общественного благополучия.

Другими словами, экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и действиям (обычно в политике). Пропаганда действием – это установка современного экстремизма, согласно которой насильственные действия, направленные против социально-политических институтов и их представителей, революционизируют массы. «Существенным признаком экстремизма остается не экстраординарность (как заострение проблемы), не насилие или агрессия, но злой умысел. И здесь важно понять, что экстремизм характеризует не просто наличие насилия как такового (его применение бывает необходимо для целого ряда экстремальных ситуаций, например при самообороне), а *«наличие его крайних, неоправданных форм»* (Фетискин и др., 2007, с. 8).

Близким понятием является концепция радикализма. Ее определяют следующим образом.

Радикализм – это термин, обозначающий социально-политические идеи и действия, направленные на решительное изменение существующих институтов, заметно проявляющиеся в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и укладу тех или иных слоев и групп. Радикализм политический (иногда церковный, религиозный или даже философский) есть принцип или направление действий. Этим термином обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических выводов, не мирясь ни на каких компромиссах. Следующим близким понятием является «фундаментализм».

Фундаментализм – общественное идеологическое, религиозное или политическое движение, провозглашающее приверженность исходным идеям, принципам, идеалам определенных учений или доктрин, выдвигающее требования преодоления появившихся в ходе их развития извращений, уклонов, ересей и «возвращения к истокам», возрождению ритуалов и обычаев. Фундаментализм близок к разного типа ортодоксии. Он возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противостоит, в частности, насильственными средствами, процессу перемен и обновлению (модернизму).

Фанатизм – это слепое и пламенное следование убеж-

дениям, особенно в религиозно-философской, национальной или политической сферах. Это крайняя степень приверженности к каким-либо идеям, верованиям или воззрениям (Брокгауз, Ефрона, 2003, с. 594). Обычно он соединен с нетерпимостью к чужим взглядам и стремлениям. С другой стороны, правовые коллизии возникают также по причине недопонимания или недооценки природы религиозных явлений. Например, представляется ошибочной попытка свести всякое религиозное явление к социально-политическим факторам, т. е. исходя исключительно из позитивистских взглядов на религию. Исключив собственно религиозную мотивацию в религиозном фундаментализме или экстремизме, мы не сможем дать правильный диагноз этим религиозно-политическим явлениям.

Шовинизм – это крайняя форма национализма, провозглашение национальной исключительности, противопоставление интересов одного этноса (или суперэтноса) интересам всех других этносов, распространение идей национально-го превосходства, национальной вражды и ненависти. Словом «шовинизм» принято обозначать разнообразные проявления националистического экстремизма. Другие проявления шовинизма – социал-шовинизм, великодержавный шовинизм (Советский энциклопедический словарь, 1987, с. 1525).

В настоящее время популярны термины «исламский фундаментализм» и «исламский радикализм» – идеология, сле-

дую которой мусульмане должны жить в соответствии с самыми ортодоксальными требованиями Корана и по законам Шариата. Определение исламского радикализма и экстремизма предлагает И. П. Добаев: «*Исламский радикализм* – это идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, которые характеризуются нормативно-ценностным закреплением идеологического, политико-мировоззренческого и даже вооруженного противостояния мира „истинного ислама“ по отношению к миру „неверных“ вовне и миру „неистинной веры“ внутри ислама и требуют абсолютного контроля и мобилизации (служения идее) своих сторонников» (Добаев, 2003, с. 13).

Радикальное исламское движение, выступая частью более широкой тенденции политизации ислама и реисламизации мусульманских обществ, является реальным и существенным фактором современной политической жизни. Наибольшую опасность представляет его экстремистское крыло, деятельность которого стала одним из ключевых факторов, дестабилизирующим международную обстановку. «Исламский экстремизм» обладает мощным потенциалом, нацеленным на экспансию наиболее реакционных положений своих идеологических доктрин и эскалацию политической практики насилия. «Идеологической базой и одновременно политической практикой радикального исламского движения, осуществляемого в самых разнообразных формах, основным поставщиком и главным распространителем терроризма яв-

ляется радикальный ислам (другие названия – исламский радикализм, или исламизм)» (Добаев, 2003, с. 4).

Все эти категории используются для описания идеологических стратегий (в широком смысле) и действий, применяемых для реализации положений и доктрин конкретной идеологии. Они выражают приверженность к крайним формам взаимодействия с оппонентами, предполагающего в конечном счете их идейное или физическое уничтожение, т. е. содержат открытое признание силовых методов и насилия. В политической практике эти стратегии, по крайней мере, потенциально являются противоправными.

В зависимости от использования для описания различных сфер конфликтных взаимодействий эти стратегии могут выражать различную степень «крайности», «жесткости». Но в целом в содержательном плане эти понятия в большей или меньшей мере синонимичны. Естественно, для разных сфер социальной действительности в научной и политической практике существуют определенные предпочтения в использовании тех или иных понятий. Обычно наиболее употребительными являются «экстремизм», «радикализм» и «фундаментализм» с различными дополнительными коннотативными определениями (идеологический, этнический, религиозный, исламский и т. д.).

Теперь вопрос о соотношении этих терминов с «терроризмом». Сравнение понятия «экстремизм» и «терроризм» было осуществлено коллективом авторов под руководством

Н. П. Фетискина (2007). Они сначала проанализировали соотношение понятий «экстремальность» и «экстремизм». Для того чтобы понять истоки экстремизма, отмечают авторы, необходимо осознать тот факт, что в самой природе человека заложено стремление к *экстремальности* как побудительный мотив, побуждающий к постоянному движению и развитию.

Понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного корня – от *лат. extremum* – крайний. Оба понятия содержат значение интенсивности, напряженности, остроты. Но если экстремальность имеет природно-побудительный характер, то экстремизм всегда содержит личностное начало, а экстремистское поведение всегда отмечено своеволием и эгоцентризмом (там же, с. 7). Экстремальность – это не всегда кризис или конфликт, это лишь заострение проблемы, акцентированность на чем-то новом, как правило, более значимом, более высоком. Например, творческие виды деятельности просто невозможны без экстремумов процесса развития. Иное дело, экстремизм, который, обостряя ситуацию, доводит ее до крайности противоречий, в силу чего конструктивное разрешение проблемы или конфликта, как правило, становится невозможным.

Таким образом, экстремистскими можно называть лишь такие действия, которые превышают необходимую степень воздействия на отдельную личность или социальный объект (обусловленную культурными, нравственными, правовыми

и т. п. нормами), ибо при таком воздействии *невозможно не осознавать отрицательные последствия (т. е. не быть злоумышленником)*. Всякое развитие изначально содержит два возможных способа реализации: *экстремально-творческий*, направленный вглубь, и *экстремистский*, ориентированный на обострение крайностей разворачивающегося процесса, абсолютизирующий внешнюю сторону явлений, игнорирующий любые издержки и осуществляющийся без контроля нравственной регламентации.

Основываясь на таком понимании дифференциации понятий экстремальности и экстремизма, авторы дают следующую трактовку соотношения концепций экстремизма и терроризма, с которой в принципе можно согласиться: «Если экстремизм – крайность, то терроризм – крайность крайности, выступающая, скорее, как „логическое, но не обязательное развитие экстремизма“» (там же, с. 9). Другими словами, *терроризм как стратегия конфликтного взаимодействия – это крайняя степень проявления экстремизма (радикализма, фанатизма, фундаментализма) при разрешении конфликтных противоречий между социальными субъектами, доведенная до подчинения одной сверхцели – уничтожения противника любыми насильственными средствами для достижения победы в конфликте*. Как из крайностей экстремального берет начало экстремизм, так и из крайностей экстремизма (радикализма, фанатизма, фундаментализма) вырастает терроризм, который, в свою очередь, может при-

нимать многообразные формы: от отдельных актов террора фанатиков-одиночек, группового и государственного терроризма до транснациональных мафиозно-террористических структур.

Проблема осмысления и типологизации феномена терроризма

Следует признать, что проблема определения феномена терроризма собственно психологами в отечественной научной литературе до начала 1990-х годов фактически не решалась. В работе Д. В. Олышанского «Психология террора» (2002) эта проблема рассматривается с позиций социологии. Психологические рассуждения автора на эту тему имеют умозрительный характер. Тем не менее его размышления дают определенный стимул для осмысления данного феномена.

Д. В. Олышанский утверждает, что «наиболее часто возникает смысловая путаница, при которой смешивается разное содержание, вкладываемое в понятие „террор“. Так, достаточно часто путаются террор как некоторая политика, осуществляемая насильственными методами (методы террора), и террор как результат, следствие такой политики... Наконец, террор как метод часто не различается с терроризмом как особым, целостным явлением, включающим не только отдельные методы... На самом деле все более или менее

встает на свои места, если оттолкнуться от буквального, первичного, латинского значения слова «terror» – страх, ужас. В буквальном смысле террор – это и есть ужас. Ужас же психологически иногда определяется как циркулярное (повторяющееся и нарастающее) переживание страха. Значит, террор – это такое повторяющееся и нарастающее переживание страха, которое приводит к ужасу... Террор складывается из террористических актов – отдельных слагаемых, звеньев, компонентов, способов и инструментов террора» (Ольшанский, 2002, с. 15–16).

С другой стороны, автор определяет терроризм в широком смысле: «Наконец, терроризм – это обобщенное понятие, обозначающее уже комплексное явление, включающее страх и ужас как цель определенных (террористических) актов и действий, сами акты и действия, их конкретные результаты и весь спектр более широких последствий» (там же, с. 17).

О. В. Будницкий (2004) признает, что в литературе термины «террор» и «терроризм» используются для определения явлений разного порядка, схожих друг с другом в одном – в применении насилия по отношению к определенным личностям, общественным группам и даже классам. В то же время очевидно, что при внешней схожести применения понятий речь идет о явлениях разного порядка.

У. Лакер, один из известных современных исследователей терроризма, отмечает, что не существует общей научной

теории терроризма. Общая теория невозможна *a priori* потому, что этот феномен имеет много причин и проявлений. Он справедливо отмечает, что терроризм – очень сложный феномен, по разному проявляющийся в различных странах в зависимости от культурных традиций, социальной структуры и многих других факторов, которые затрудняют попытки дать его общее определение (Laqueur, 1977).

Некоторые отечественные исследователи придерживаются иного мнения. Так, В. В. Виктук и С. А. Эфиров (1987, с. 222–223) считают, что общая дефиниция терроризма возможна, и приводят в подтверждение своей позиции несколько доводов.

Во-первых, необходимо разграничивать употребление термина «терроризм» в прямом и переносном смысле (т. е. Публицистическое и научное употребление таких терминов, как «экономический терроризм», «информационный терроризм» и др.).

Во-вторых, они настаивают на необходимости отграничения феномена терроризма от других форм и методов вооруженного насилия, которые могут иметь не террористический характер.

В-третьих, они утверждают, что определение терроризма «должно быть принципиально полным», включающим и те признаки, которые объединяют его с другими формами насильственных действий, но, главное, на чем делают акцент авторы: они должны включать специфические признаки, ко-

которые отделяют террористическое насилие от нетеррористического.

И, наконец, в-четвертых, подчеркивается, что действия, составляющие специфику терроризма, в рамках других форм вооруженного насилия носят «частный или вспомогательный характер». Опираясь на эти положения, авторы предлагают свою (довольно пространную) дефиницию терроризма (Виктук, Эфиров, 1987, с. 224–227). Терроризм – это политическая практика, связанная с использованием и выдвижением на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые представляются как террористические акты. Террористические акты, которые ранее сводились к убийствам «отдельных высокопоставленных лиц», в современных условиях могут носить форму угона самолетов, захвата заложников, поджогов предприятий... Но объединяет их с терроризмом прежних времен то, что «главной угрозой со стороны террористов остается угроза жизни и безопасности людей». Террористические акты нагнетают в обществе атмосферу страха, чаще всего они политически мотивированы. Такое развернутое функциональное определение терроризма трудно признать универсальным, хотя бы в силу того, что в его функциональность не включены факторы социокультурного порядка.

Проблеме определения терроризма (наряду с другими аспектами) уделялось внимание на круглом столе «Терроризм в современной России: состояние и тенденции» (2001). Дис-

куссию по проблеме концептуального определения терроризма среди участников круглого стола можно суммировать следующим образом.

Они констатировали, что существуют «...немалые затруднения в понимании феномена терроризма как формы насилия». В XX в. трансформировалось само понятие терроризма. Насилие есть лишь средство, а цель – уничтожить, устранить, психологически подавить, парализовать волю, подчинить своим замыслам противника. Насилию можно подвергнуть с помощью средств массовой информации, способных навязать любые настроения, в том числе всеобщий ужас, отчаяние, панику, растерянность.

Авторы признают, что рамки обсуждаемого предмета о существовании терроризма должны быть раздвинуты и конкретизированы, поскольку, безусловно, в современном терроризме проявляются его социально-психологический и информационный аспекты. И одним из базовых критериев терроризма признается насилие. К числу главных признаков, по которым следует оценивать терроризм (и формулировать его концептуальное определение), в качестве социально-политического явления необходимо относить его общественную опасность, нелегитимность и устрашение. Без этого признака, считают участники круглого стола, трудно дифференцировать террористические действия от прочих проявлений нелегитимного насилия.

Прозвучала мысль, что, наряду с другими формами наси-

лия (например, военного), для террористических действий хотя и свойственно уничтожение того или иного субъекта или деятеля, оно важно не само по себе, а как воздействие на психику масс, на состояние их духа. Поэтому при определении терроризма необходимо учитывать, что в том или ином насильственном действии выступает главным, доминирующим, приоритетным. И в зависимости от этого определять сущность явления.

В отечественном законодательстве терроризм определяется следующим образом:

«1) Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий;

2) террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), группы для реализации террористического акта, участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

3) террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных особо тяжких последствий в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» (Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

В зарубежных трудах по общественным наукам также можно обнаружить множество определений терроризма (см., например: Miller, File, 2001; Whittaker, 2001).

Исследователи отмечают, что в принципе существует ряд

проблем, связанных с определением терроризма: а) исторические изменения в самом феномене; б) в СМИ и у представителей различных государств нет согласия в использовании термина; в) множество определений, которыми пользуются представители различных ведомств даже внутри одной страны; г) противоречия в определении явления на международном уровне (Miller, File, 2001; Whittaker, 2001, p. 13).

Некоторые исследователи определяют терроризм как современное обозначение военных приемов, направленных против цивилизованных сообществ с целью воздействия на их волю для поддержки своих лидеров или против проведения политики, которую адепты терроризма и насилия считают ошибочной.

ФБР определяет терроризм как «противозаконное применение силы, насилия против граждан, их собственности с целью запугивания, оказания давления на правительство, гражданское население или его отдельные сегменты в реализации своих политических, а также социальных целей» (Whittaker, 2001, p. 3).

В этой связи в научном сообществе ведется дискуссия о чрезвычайной сложности определения феномена терроризма без рассмотрения культурного, социально-экономического и идейно-политического контекста, мотивов, целей и последствий использования терроризма. Чисто юридически-правовой подход к определению этого явления не помогает решить проблему, поскольку особенности мотивов,

намерений, проблем идейного выбора, ответственности и реальных обстоятельств совершения террористических действий вливаются в содержание феномена терроризма (Nap, Park, 1995).

Например, госдепартамент США определяет терроризм как «преднамеренное, политически мотивированное насилие, совершаемое против мирного населения и „нонкомбатантов“ с использованием отдельных национальных групп или тайных агентов, как правило, с намерением повлиять на массовое сознание населения» (Reich, 1998, p. 262).

Термин «международный терроризм», как правило, означает «терроризм, вовлекающий граждан или определенную территорию, захватывающую больше чем одна страна». Термин «террористическая группа» означает любую группу, которая ведет террористическую деятельность или имеет соответствующие подгруппы, вовлеченные в международный терроризм (Marshella, 2004).

В целом, как свидетельствует анализ, многочисленные определения терроризма включают следующие составляющие:

- использование силы или насилия;
- индивидуальное или групповое совершение террористических актов;
- направленность на гражданское население;
- намеренное создание в обществе атмосферы страха;

– средство принуждения отдельных людей или групп изменить свои политические или социальные позиции.

Действительно, без учета конкретного исторического и культурного контекста все определения терроризма становятся предметом дискуссии. Вот почему перспектива рассмотрения феномена терроризма с социально-психологической точки зрения становится столь важной: она ставит проблему терроризма и поведения людей в более широкий контекст человеческого существования.

Исследователи проблем терроризма продолжают детально обсуждать нюансы и трудности определения феномена. Они фактически приходят к констатации «невозможности создания универсального определения» (Whittaker, 2001; Reich, 1998). «По-видимому, дать некое всеобщее определение терроризма весьма затруднительно (если вообще возможно), хотя очевидно, что его неотъемлемыми чертами действительно являются угроза жизни и безопасности людей и политическая мотивировка применения насильственных действий. Терроризм, с одной стороны, явление универсальное, по крайней мере, для Европы и Северной Америки, начиная со второй половины XIX в. то обостряющееся, то исчезающее на десятилетия, с другой – возникновение и деятельность террористических организаций в разных странах были обусловлены конкретно-историческими причинами и имели весьма различные последствия» (Будницкий, 2004, с.

5).

Задача создания универсального определения осложняется еще и многообразием проявлений различных «моделей терроризма», среди которых выделяют:

- политический терроризм;
- сепаратистский терроризм;
- религиозный терроризм;
- патологический терроризм (см., например: Miller, File, 2001; Post, 2002; Reich, 1998).

В этой связи представители общественных дисциплин, в первую очередь психологи и социологи, поставили себе задачу теоретико-методологического решения проблемы категоризации различных типов терроризма на основе критериев *мотивации* (например, религиозный, политический), *целей* (например, формирование атмосферы страха, разрушение) и *методов* (например, бомбы, оружие массового поражения, самоубийцы).

Продуманная классификация типов терроризма была предложена американским социальным психологом Дж. Постом, одним из ведущих специалистов в этой области, которая вызвала широкую дискуссию в научном сообществе (Post, 2002). Он предложил *политический терроризм* (феномен терроризма в целом он относит к явлениям политического порядка) разделить на три подтипа: *негосударствен-*

ный *терроризм (substate terrorism)*, осуществляемый группами, необязательно связанными с национальным правительством; *терроризм, поддерживаемый государством (state-supported terrorism)*, и собственно *государственный терроризм (state or regime terrorism)*, когда используются государственные ресурсы, такие как полиция и армия, против собственных граждан.

Негосударственный терроризм включает множество самых различных террористических групп: а) левых социал-революционеров; б) правых борцов за справедливость; в) националистов-сепаратистов; г) религиозных экстремистов; д) участников борьбы за решение отдельных проблем (например, запрещение абортов, экологию и т. п.).

Далее Дж. Пост предложил религиозные экстремистские группы разделять на *фундаменталистские* (например, «Аль-Каида») и *группы новых религий* (например, «Аум-Сенрике»). Он считает возможным различать все террористические группы по *способам осуществления террористических действий* и выделять *криминальный и патологический* виды терроризма.

Дискуссия, возникшая в научном сообществе в отношении классификационной схемы Дж. Поста является яркой иллюстрацией сложности и комплексности проблемы.

Прежде всего, было отмечено, что в настоящее время политический и собственно криминальный виды терроризма взаимопроникают и поддерживают друг друга. Об этом сви-

детельствуют, например, ситуация в Колумбии, где революционеры и кокаиновые контрабандисты становятся сторонниками друг друга. То же самое происходит в Афганистане, где деньги, получаемые от продажи героина, используются для поддержки террористических групп, таких как «Аль-Каида» (Marshella, 2004, p. 17). Такие же тенденции можно наблюдать и в других регионах мира, включая террористическую активность в нашей стране в регионе Северного Кавказа. С другой стороны, было отмечено, что Дж. Пост игнорирует другой спектр терроризма, исходя из собственной этноцентрической приверженности (американец).

Так, например, С. Монтейл и М. Анвар (Monteil, Anuar, 2002) утверждают, что существуют другие формы терроризма, включающие *глобальное структурное насилие* и «узаконенные» акты терроризма, осуществляемые США. Они утверждают, что Соединенные Штаты несут ответственность за гегемонистскую глобализацию, которая равнозначна терроризму, поскольку она стремится увековечить глобальное доминирование этой страны над развивающимися странами, способствуя сохранению материального неравенства, культурного доминирования и эксплуатации. Авторы утверждают, что США являются основным виновником *всеохватывающей* глобальной бедности населения развивающихся стран, которая порождает чувства безысходности и возмущения их населения, ведущие к терроризму. Более того, они считают, что США являются мировым спонсором терроризма,

поскольку в свое время они поддерживали экстремистские группы в Южной, Центральной Америке и на Ближнем Востоке.

В свете таких примеров определение терроризма расширяется от представления его как «прямых актов насилия» до «политических действий, которые провоцируют или санкционируют насильственные формы поведения». Кроме того, исследователи отмечают, что выделенные Дж. Постом мотивы совершения террористических действий различными группами, совпадают, поэтому можно говорить о «комплексных мотивационных моделях поведения» (Langholtz, 2002).

В целом мнения исследователей совпадают относительно того, что реально *существует множество различных психологических моделей террористического поведения и необходимы дальнейшие усилия по уточнению и оценке имеющихся знаний в отношении этих моделей*. Тем не менее типология видов терроризма, предложенная Дж. Постом, может быть положена в основу классификации широкого спектра моделей терроризма.

Итак, террористические действия и их мотивы весьма многочисленны и разнообразны: а) связаны с разрушением социального и политического порядка (анархия); б) «санкционированы по воле Бога»; в) служат отмщением за притеснения; г) ориентированы на достижение экономических и финансовых целей; д) выражают защиты высших расовых или культурных ценностей и приоритетов; е) спонсиру-

емы самим государством; ж) ориентированы на разрушение существующего политического и национального устройства государства (т. е. революционны и ориентированы на «освобождение»).

В 1988 г. исследование, проведенное в военных структурах США, обнаружило, что существует 109 официальных определений терроризма, используемых федеральным правительством США (Schmid et al., 1988, p. 5–6). Авторы исследования выявили, что во всех определениях существует комбинация порядка 22 критериев, приписываемых терроризму. Даже спустя годы известный исследователь проблемы В. Лакуер также выявил порядка сотни определений терроризма (Laquer, 1997, 1979, 1987, 1999). В отечественной литературе проблеме концептуальной дефиниции терроризма также уделялось определенное внимание (см., например: Соснин, Нестик, 2008).

Основные расхождения в концептуальном определении терроризма касаются включения в него категории «нонкомбатантов» как целей террористических атак или «граждан, которые не принимают активного участия в ситуации вооруженного конфликта», поскольку эта категория является достаточно размытой (см., например: Schweitzer, Ferber, 2005).

Другое расхождение касается определения мотиваций совершения террористических атак или использования принципа «террорист, по мнению одного человека, по мнению другого, является борцом за независимость» (см., например:

Moghaddam, 2006). Этот двойной стандарт в определении терроризма стал препятствием в борьбе с ним.

Существует два подхода к определению феномена терроризма: это специфический (т. е. конкретный по условиям исполнения) и общий (т. е. с позиций концептуального определения).

Специфический подход делает акцент на формах конкретных атак (захват заложников, транспортных средств, объектов инфраструктуры, взрывы, использование биологических материалов и т. д.) без определения терроризма как категории. Концептуальный подход стремится дать общее определение терроризма как явления, исходя из общих критериев, таких как мотивация, тип целей и т. п.

В данной работе используются следующие определения терроризма и суицидального терроризма¹.

Терроризм – это заранее спланированная атака или угроза атаки на мирных граждан или гражданские объекты для достижения политических, идеологических и/или религиозных целей. Примерами, которые не ограничиваются этим списком, являются взрывы в местах скопления гражданского населения и/или гражданских объектов, взрывы в средствах перемещения граждан.

¹ Эти определения приводятся в работах израильских исследователей данной проблемы и представителей израильских спецслужб; международным сообществом борьба с терроризмом в Израиле признается наиболее эффективной, методы ее проведения расцениваются как пример для других государств (Falk, Morgenshtern, 2009, p. 6–8).

Суицидальный терроризм – это политически, религиозно и/или идеологически мотивированная атака, осуществляемая одним или несколькими индивидами, которые сознательно отказываются от своей жизни ради нанесения максимального ущерба гражданам и/или их гражданским объектам.

Естественно, в число объектов или «мишеней» террористических атак необходимо для полноты анализа включать как военные, так и политические структуры государств, о чем свидетельствует объективная историческая логика функционирования этого феномена.

Подходы к анализу феномена терроризма: проблема исследовательской практики

В социальной психологии есть внушительный корпус данных, позволяющих предлагать объяснения для понимания мотивации вступления людей в террористическую активность. Проблема мотивации терроризма, как и сам феномен, имеет комплексный, иерархический характер. Она может рассматриваться на трех уровнях – индивидуально-личностном, внутригрупповом и межгрупповом.

Однако следует отчетливо понимать, что такое триединство развести на уровни можно только теоретически, с определенной долей условности. Это связано с тем, что структура личности индивида содержит в себе все многообразие отно-

шений человека с окружающим миром, выступая одновременно регулятором его жизнедеятельности.

Это положение в теоретико-концептуальном плане хорошо иллюстрируется психологией «Я-концепции» человека и категорией «социальной идентичности» личности. В операциональном плане Я-концепция личности – совокупность представлений индивида о себе самом с эмоционально-оценочными компонентами этих представлений – реализует мотивационно-регуляторную функцию в поведении личности (Журавлев и др., 2014). В целом мотивационная функция Я-концепции, регулирующая поведение человека, состоит в следующем:

– Каждая социальная ситуация воспринимается и оценивается в соответствии с теми компонентами «Я-образа», которые актуализируются в этой ситуации и которые индивиду необходимо проявлять (поддерживать, защищать, избегать и т. п.).

– На основе базовой потребности поддерживать и защищать свое «Я», потребности в положительной самооценке, а также (и это самое главное) в зависимости от субъективной значимости для индивида тех параметров Я-концепции, которые активированы ситуацией, формируется и вырабатывается конкретная форма поведения в данной ситуации.

Я-концепцию личности как совокупность представлений

о себе самом можно рассматривать в виде континуума: на одном полюсе располагаются индивидуально-личностные характеристики (и соответствующие мотивации поведения), на другом – социально-категориальные.

В соответствии с этим любую мотивацию поведения человека можно представить также в виде континуума: на одном полюсе – индивидуально-личностная мотивация и взаимодействие, на другом – межгрупповое. Когда ситуация активизирует в сознании индивида социально-групповые параметры Я-концепции (т. е. на первое место выходит социальная идентичность), то он действует как член группы, когда индивидуально-личностные – мотивация и взаимодействие остаются на межличностном уровне.

Другими словами, именно социальная часть «Я-концепции», которая определяет принадлежность человека к группе (или группам), его «социальное лицо», обеспечивает одинаковость и координацию группового поведения. Чем ближе социальная ситуация в ее субъективном восприятии к межгрупповому полюсу континуума, тем сильнее проявляется тенденция к единообразию поведения человека как члена своей группы к другой группе и склонность воспринимать членов другой группы как ее обезличенных представителей, т. е. недифференцировано (см.: Купрейченко, 2008). При рассмотрении истоков терроризма акцент делается на базовых социальных потребностях, которые при определенных обстоятельствах могут обуславливать мотивацию лю-

дей вступать на путь терроризма. Однако в ряду психологических проблем терроризма есть аспект, который, по-видимому, является наиболее значимым, – это психология самих террористов, их мотивации, личностные характеристики, способы принятия решений, поведение в группах и их психопатологические особенности.

В целом, независимо от важности проблемы индивидуальной мотивации террористов и их личностных особенностей для психологических исследований, на практике подобные исследования сталкиваются с рядом проблем, которые косвенно, но очень существенно могут фальсифицировать результаты этих исследований. Эти проблемы проистекают, как считают исследователи, либо из чрезмерного акцента на чисто психологическом объяснении, либо на слишком узком определении проблемы (Reich, 1998). Прежде всего, необходимо отметить *проблему крайней ограниченности прямого исследования личностных особенностей террористов и их индивидуальной мотивации вступления в террористическую группу*. Многие террористы полагают, что любые попытки внешнего наблюдателя объяснить их мотивацию в психологических терминах будут принижать значимость и законность их идей, действий и вообще их существования. У них, естественно, нет никаких иллюзий в отношении того, что они смогут обратить исследователя, который хочет с ним встретиться, в свою веру. Тем более что исследователь, скорее всего, будет восприниматься как представитель пра-

вительства, общества или класса, против которого они осуществляют свои террористические действия.

Согласие встретиться с психологом или психиатром чаще достигается тогда, когда террорист уже начал испытывать сомнения в отношении своей деятельности. В этих случаях получаемая информация, независимо от ее полноты неизбежно будет подвержена влиянию смены психологической ориентации.

С другой стороны, исследование осужденных террористов также имеет свои проблемы. Если они соглашаются отвечать на вопросы психолога или вообще участвовать в проведении исследования, то зачастую мотивация их согласия может иметь своей целью либо скрасить дефицит общения в условиях длительного тюремного заключения или проявить защитные реакции при взаимодействии с исследователем. Это обстоятельство также предъявляет особые требования к психологу при интерпретации получаемой информации.

Следующая проблема – это *проблема чрезмерного обобщения получаемых результатов* или теоретических аргументаций. Как показывает практика, террористические акты осуществлялись разными людьми с широким спектром убеждений и целей, включая и вероятность отсутствия каких-либо целей вообще, поэтому психологические объяснения мотивации действий какой-то одной категории террористов нельзя применять для объяснения всего их многообразия. Действительно, имеющиеся примеры психологического анализа

терроризма «перенасыщены» объяснениями, которые игнорируют многосторонность и комплексность проблемы (см., например: Cooper, 1977).

В. Райх отмечает: «Даже беглый взгляд на историю терроризма показывает, насколько это многообразное и сложное явление. И, следовательно, насколько тщетно и бесполезно приписывать простые, глобальные и обобщающие психологические характеристики ко всем террористам и всем видам терроризма» (Reich, 1998, p. 262–263).

Более того, сами террористические группы могут менять свои характеристики и целевую направленность. В терроризме существует множество смешанных пограничных условий, влияющих на мотивацию террористической активности. Дискуссия по этой проблеме в исследовательской практике возникала еще в конце 1980-х годов (см., например: Laqueur, 1987).

Независимо от сходства террористических групп по исполнению террористических актов в своих идеологических, религиозных и иных ориентациях они обычно существенно различаются. И если вопрос адресовать к индивидуальным террористам, то их «похожесть», по меньшей мере, будет соотносима с их различиями.

С проблемой чрезмерного обобщения близко связана *проблема психологического редуционизма*. Как неоправданно приписывать конкретные характеристики и мотивации широкому спектру террористов и террористических групп, лег-

ко и обычно неоправданно приписывать всем формам террористического поведения одну (ту или иную) конкретную причину.

Одним из типичных примеров в истории изучения терроризма была попытка объяснения поведения преступников и террористов врожденными личностными особенностями и характеристиками, т. е. биологическими причинами на основе идей С. Ломброзо (см.: Laqueur, 1987). Не менее редуccionистскими, но также проблематичными были попытки объяснять мотивацию поведения террористов на основе их психопатологии – нарциссизма, суицидальных наклонностей и т. п. (см., например: Corrado, 1981; Cooper, 1977).

Естественно, террористические группы находятся на «обочине» обществ. И эти группы, по-видимому, привлекают к себе индивидов с различными психическими отклонениями. Но представляется ясным, что террористы в целом действуют на вполне рациональном уровне и не страдают от психических расстройств. Большинство специалистов склоняются к тому, что психопатология не является основным источником террористической мотивации и активности (см., например: Ferracuti, Bruno, 1981).

К таким же выводам приходят исследователи в отношении нахождения типичного профиля личности террориста. Многочисленные попытки найти и вычленить профиль характеристик личности террориста не привели к однозначному результату. В имеющейся практике анализа личности

террориста существует тенденция приписывания поведению террористов набора конкретных психологических механизмов, процессов или характеристик. Однако эти теоретические объяснительные модели можно считать лишь предположительными гипотезами, требующими эмпирического обоснования.

Еще одной проблемой при изучении мотивации терроризма зачастую является *не вполне адекватное внимание исследователей к вопросу значимости физических и материальных выгод как мотивирующего фактора вступления в террористические группы*. Конечно, жизнь террориста может удовлетворять ряд потребностей, не относящихся к материальной стороне жизни. Это поддержка и одобрение другими членами террористической группы, повышение самооценки, возможность совершать насилие, выступать против ценностей родителей и общества, которых индивид считает ответственными за свои жизненные неудачи, и многое другое, что мы не можем разделять и одобрять. Но есть и другие цели, которые могут играть важную роль в принятии решения вступить в террористическую группу: это власть, материальные привилегии, уровень жизни и даже здоровье. Эти мотивации особенно значимы для молодых людей из бедных слоев населения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.